

Новая Польша 4/2018

0: Антология неравнодушных

Антология называется «Пора расплеваться». Собственно, именно это и происходит. Сборник подготовили Павел Качмарский и Марта Коронкевич, а выпущена книга издательством «Бюро литерацке» в 2016 году. В антологию вошли тексты одиннадцати авторов, а ее название взято из стихотворения Конрада Гуры, в котором сказано: «ЕГО СЛЮНА ЗАЛИВАЕТ КРАЯ ГУБ: // народ, стой, раз-два. / Пора расплеваться». Этой слюны там и в самом деле много. В стихотворении «В шаге от них» читаем: «Я пробрался через липкий от ежевики овраг, отлил. Подошел ближе, и пафос / не позволил мне сплюнуть».

Далее идет подборка стихотворений Щепана Копыта, которого я бы назвал поэтическим бунтарем до мозга костей. Так или иначе, он уже давно обратил на себя мое внимание. Недавно я наткнулся на свои заметки на полях его книги стихов «бух» (издательство Воеводской публичной библиотеки и Центра продвижения культуры, Познань, 2011) — этот сборник и прилегающий к нему диск, музыку к которому Копыт написал совместно с Петром Ковальским, нужно воспринимать как единое целое, и его восприятие, как мне кажется, должно происходить в два этапа: прочитав стихи, стоит послушать запись, увенчанную инструменталом, давшим название всему проекту (заметим, что название книги двусмысленно — это не только «бух» как звук, но еще и «книга» по-немецки). При этом сразу обращает на себя внимание тот факт, что музыка во многом смягчает резкую эмоциональность печатного текста — в особенности это чувствуется во время прослушивания финальной композиции. Для Копыта важно слуховое восприятие его лирики, что дополнительно акцентируется превращением заключительных строк в тэг:

	имеющий
уши да услышит что говорят ангелы	каждый
предсказуемый строим пьедесталы	маленький
шаг для человека огромный шаг для поэзии	

Этот прием во многом напоминает эксперименты футуристов, к примеру, из таких книг, как «Ночь — день» или «Змей, Орфей и Эвридика» (обе — 1922) Титуса Чижевского. Графический символ выступает здесь неотъемлемой частью произведения — вдобавок здесь его функция заявлена уже в названии. Слушать ангелов — их язык, а не пение — это и в самом деле сделать «маленький шаг для человека огромный шаг для поэзии», что, будучи отсылкой к известным словам Нила Армстронга, позволяет сравнить человечество с поэзией. Но пока что мы слушаем людей, от которых узнаем, что «закон умирает и умирает государство / умирает пресса и целый инвентарь понятий» («закон»). Эти стихи — их чтение и восприятие — выражают нынешний кризис цивилизации, где, как в стихотворении «archeology», «наша этика держится на нефти», а «наша эпопея это экранная эпоха / столь же загадочная как хрусталь в серванте». При этом кризис здесь нужно понимать двояко: с одной стороны это коллапс, с другой — шанс на перелом, на новый поворот. Бесспорно одно: эти тексты — форма протеста в отношении нынешнего состояния человеческого бытия, равно как и — а возможно, в первую очередь — в отношении манеры писать и говорить о нем. Именно так это выглядит в стихотворении «кризис»:

нет никакого кризиса
это нормальное состояние капитализма (...)
мы выходим глупые из научных центров
мы выходим глухие с концертов
мы выходим слепые из кинотеатров

нагие

Где же выход? Не проще ли закурить «нелегальную самокрутку», которая защитит «от безумия и неизлечимой ненависти» («закон»?). Нет, конечно, ведь это уже не жест бунта, а жест отказа. Диагноз положения вещей, представленный в этих стихах, безусловно, отражает настроения широких социальных кругов. Смелость Копыта заключается прежде всего в том, что он — после того, как литература годами дистанцировалась от вопросов общественной жизни — ломает сопротивление, создаваемое социальной проблематикой и называет вещи своими именами. Наконец (и в этом ценность поэзии Копыта), в умении подобрать для описания этих явлений соответствующий язык, использующий, как в стихотворении «шум машин диоды для глаз», рекламные штампы и обнажающий ловушки доминирующего дискурса: «бродит призрак транссексуализма». Разумеется — бродит

он по Европе, как же иначе...
Я не собираюсь разбирать здесь всю антологию (хотя она того стоит — в конце концов, мы имеем дело с предпринятой то ли самими поэтами, то ли, скорее, составителями книги, сопроводившими каждую подборку критическим очерком, попыткой создать некое художественное сообщество, своего рода островок чуткости), я лишь хочу объявить о ее существовании. К этим стихам стоит внимательно приглядеться еще и потому, что они в массе своей выражают несогласие авторов с явлением, условно называемым Системой. Эти тексты являются также свидетельством вырождения или дегенерации общественной ткани, попыткой если не вылечить это состояние, то хотя бы вслух объявить о диагнозе. Но тут возникает вопрос: будет ли этот голос услышан? Поэзия всё больше становится нишевым явлением, а широкую публику завоевывает при помощи музыкальных носителей (раньше это делал Светлицкий, теперь с успехом делает Копыт), однако при этом продолжает быть потребляемой довольно узким кругом людей. Думаю, сегодня поэтическая книга «Три залпа» Броневского, Станде и Вандурского не вызвала бы широкого отклика, как в те годы. Так что, видимо, права Илона Витковская, саркастически констатируя в стихотворении «граненый кружок» горькую и грустную правду:

лодка затонула у берегов Лампедузы.
мы смеялись: Лодзь^{В польском языке слово «лодка» («łódź») и название города Лодзь (Łódź) пишутся и произносятся одинаково —}
Примеч. пер. затонула? город?мы тут смеемся, они там умирают.

так что теперь? не смеяться?
не будем смеяться, они все равно умрут.

В самом деле, когда мы готовы лопнуть от обжорства или начинаем заботиться о фигуре (сезон отпусков не за горами!), десятки тысяч людей в Африке умирают от голода. Что же теперь, отказаться от утренних пробежек? Вот именно.
А с другой стороны... Думаю, что стихи Баранчака все-таки сделали свое дело. Еще ждет своего исследователя явление, которое мне когда-то посчастливилось наблюдать: во время «карнавала Солидарности» издавалось множество профсоюзных бюллетеней (и это вовсе не были «журналы для интеллигенции»), зачастую на разрозненных листках, набранных кое-как — однако бюллетени эти не контролировались цензурой, и поэтому пользовались необыкновенной популярностью, а многие из них, немного ни к селу, ни к городу, печатали стихи — и самыми публикующимися авторами были Баранчак и Крыницкий, эти поэты считались очень сложными, и всё же, всё же...

1: Из антологии «Пора расплеваться»

Конрад ГураТекст на заказ

Ее воздух изваян резцом — это Россия^{Стихотворение снабжено авторским комментарием, адресованным будущим возможным переводчикам: «При переводе этого текста на какой-либо иностранный язык, прошу переводить слова «Польша» и «мир без Польши» с использованием местного эквивалента; к примеру, в случае перевода на шведский как «Швеция» и «мир без Швеции». Тибетцам, курдам, баскам и т.д., а также лицам без гражданства, анархистам и пр. предоставляю полную свободу выбора».}

Во взгляде таится растущий на свалке репейник — это Россия.
Слякоть, олени, скрежет огня в колосьях пшеницы — это Россия.
Турбогенератор в котельной — это Россия.
Ноябрь на далекой пузатой Луне — это Россия.
Альбом с пауками на заседании Думы — это Россия.
Трепет, зависший в воздухе после жары — это Россия.
Заикаться, когда момент упущен — это Россия.
Фазан, та курица из турбокомпрессора — это Россия.
Еж с двумя детенышами — это стопудово Россия.

Еж с двумя детенышами — это стопудово мир без России.
Фазан, та курица из турбокомпрессора — это мир без России.
Заикаться, когда момент упущен — это мир без России.
Трепет, зависший в воздухе после жары — это мир без России.
Альбом с пауками на заседании Думы — это мир без России.
Ноябрь на далекой пузатой Луне — это мир без России.
Турбогенератор в котельной — это мир без России.
Слякоть, олени, скрежет огня в колосьях пшеницы — это мир без России.

Во взгляде таится растущий на свалке репейник — это мир без России.
Его воздух изваян резцом — это мир без России.

Кира Петрек**манифест**

вступи к какую-нибудь организацию
которая укрепит в тебе готовность к новым вызовам
найди себе прекрасного учителя
делай несколько дел одновременно
стань волонтером
поддерживай контакты с более проворными друзьями
тренируй выносливость силу и упорство
испытывай оргазм

Шимон Домагала-Якуч**Эй истинный поляк(я еврей говорю тебе попрощайся со своим орлом)**

Твой патриотизм булыжник брошенный в сердце конституции
сны влажные от крови немца еврея украинца гея
сны ясные от пылающих сквотов и консульств
Речь Посполитую запятнали твои ласки
патриотизм влажные сны ясные
Речь Посполитая на панели обделенная ласками
ты хватаешь ее зубами раздираешь корявые струпья
не даешь страстаться ржавеющим узникам
твое Государство бледнеет слабеет
Бог это Элохим он положит тебя на весы патриот
и найдет тебя легковесным

Якоб Манштайн**Поэта одолевают сомнения**

утром явилась полиция, а в квартире бардак.
я говорю: то, что случилось, вовсе не должно было случиться,
и прикидываюсь невидимкой.

это явно срабатывает, так как они начинают меня искать
в шкафу, под кроватью и в тумбочке.

наконец один из них смотрит мне прямо в глаза,
интересуясь, знаю ли я, что они ищут;

я знаю, что они ищут меня, поэтому говорю, что не знаю,
в ответ он хватает дубинку и стучит мне по лбу,
словно требуя чтобы ему скорее открыли

спрашивает: *что это?* я отвечаю, что это кровь.
спрашивает: *что это?* и показывает нечто, чего я не вижу,
поскольку глаза мои полностью залиты кровью.

говорит, что это запрещенный культ себя любимого
и что мне кранты

мне кранты, потому что у меня бардак,
отвечаю я, а слова вязнут в горле, как камни,
и не выдавить из себя даже песка.

это крутая метафора, говорит он и запихивает меня в автомобиль.
теперь мы все невидимы

Камила Яняк**королева**

королева трудящейся польши, верни мне пожалуйста деньги, верни машину, ибо я заработала на нее уже сто раз, и квартиру, поскольку я борюсь с терроризмом, скупая товары с пометкой «огнеопасно»

королева бедных и больных, мы бедные и больные, мы будем бедными и больными в каждом твоём воплощении, ибо ты суровая мать, поэтому отдай мне только то, чего я лишилась, подавая милостыню.

королева спазмов и просьб, они у меня пустяковые, глупые и бездуховные, ибо вместо увлечения бурями реформации реформации реформации мне нужен покой и здоровая матка для моего будущего ребенка.

королева польши на прослушке, верни мне эти несколько минут в метро, когда мне нужно на турникете пропикать, чтобы войти, выйти, пройти — гражданка, пройдемте с нами, ваше пиканье было недостаточно громким.

королева грабежей и карьерных взлетов, это руки мои, что в детстве украли пару злотых у бабушки, так за что же мне этот ежемесячный, ежегодный наезд на мои скромные нору, матрас и носки?

дева денежная, королева алчная, верни мне бег времени вместе с восходом и закатом, днем и ночью, верни мне времена года, забери желтый офисный свет, в котором всё, везде и всегда одинаково

и эта рутина растянута на всю жизнь. и верни мне пространство со свежим воздухом, королева духоты, императрица смрада, летних и зимних трамваев, утренних и вечерних автобусов, дева достославная

с голограммой в руке, благославенна ты между девами, так что забери у меня этот город, эту страну — вы позволите, без меня, дорогая сударыня, вдруг мой грех был недостаточно мерзок?

Zebralo się śliny. Nowe głosy z Polski, Biuro Literackie, Stronie Śląskie 2016

2: Рок-фестиваль в Яроцине

В своей статье я сосредотачиваюсь на тех моментах, в которых активность молодежи, создававшей рок-фестиваль в Яроцине, сталкивалась с общественно-политическими реалиями ПНР. Начало восьмидесятых годов не было первой такой конфронтацией. Достаточно вспомнить перипетии джазовых музыкантов, творчество которых в сороковые и в первой половине пятидесятых годов было неприемлемо для коммунистических властей. Начало рок-н-рольного бума на рубеже пятидесятых и шестидесятых также носило бурный характер, и лишь через несколько лет его удалось обуздать^{Tomasz Toborek, Początek big beatu w prasie PRL, «Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej», nr 10, październik 2002, s. 1.}. Так что в семидесятые годы уже не было и речи о каком-либо бунте и противостоянии.

Ситуация изменилась, лишь когда до Польши докатилась панк-революция и связанная с ней новая волна в музыке. Панковский бунт против мелкобуржуазного стиля жизни и господствующих общественных норм нарастал в Польше в специфических условиях. Бунт против потребительства и обогащения в серой действительности коммунистического государства, без сомнения, не был чем-то естественным. Поэтому самым сильным элементом тогдашнего противостояния было сопротивление системе, хотя и редко называемое своим именем. Первый рок-фестиваль в Яроцине был организован в 1980 году. Для города это не было абсолютно новым мероприятием, ведь с 1970 года там проходили «Великопольские ритмы молодых» — мероприятие, придуманное местным правлением Союза социалистической польской молодежи (ССПМ). В 1980 году создатели «Ритмов» обратились к организаторам фестивалей «Музыка молодого поколения» (ММП) с предложением, чтобы очередной такой фестиваль состоялся именно в Яроцине. Таким образом, из двух «безопасных» мероприятий возник фестиваль, радикально отличавшийся от них своим характером^{Krzysztof Leśniakowski, Paweł Perzyna, Tomasz Toborek, Jarocin w obiektywie bezpieki, Warszawa 2004, s. 14.}

Уже первый рок-фестиваль вызвал немалый интерес. В Яроцин приехало 30 журналистов и 3 тысячи фанатов. В организации мероприятия участвовали: Администрация города и гмины, Отдел культуры и искусства воеводской

администрации в Калише, Познанское джазовое общество, Яроцинский дом культуры, а также городское Правление ССПМ. На сцене амфитеатра играли звезды ММП, а в Яроцинском доме культуры проходили конкурсные концерты за приз «Золотой хамелеон». Именно здесь представляла свое творчество новая волна польских музыкантов, которые со временем вытеснили с большой сцены уже известных звезд. Тогда было отмечено выступление первой панк-группы под названием «Nocne Szczury» («Ночные крысы»). Уже тогда дало о себе знать некоторое расхождение между тем, что писала пресса, и ожиданиями организаторов и публики. Концерт «Ночных крыс», например, журналисты сочли недоразумением, однако это не меняет того, что из 57 исполнителей, подавших заявки на конкурс, группа оказалась в числе пятнадцати, утвержденных жюри для участия в фестивале. Создатели «Яроцина», видимо, отчетливо ощущали, что польской музыке нужна свежая кровь, и вели мероприятие в том направлении, которого ожидала публика, а не журналисты. На участие во втором фестивале в 1981 году заявки подало в два раза больше групп (107). В Яроцинском доме культуры тогда дебютировали: ансамбль TSA, Мунек Стащик со своим первым коллективом Opozycja, а также группа Brak с Земовитом Космовским. Стоит отметить, что охрана порядка во время этого фестиваля была организована, в частности, местной «Солидарностью».

Насколько в этот первый год в конкурсе не выступали, в большинстве своем, очень уж бунтарские группы^В Яроцинском доме культуры свои программы представили 15 групп, в том числе такие важные для польского рока ансамбли как Dżem, Easy Rider, Mietek Blues Band, Cytrus и лауреат Ogród Wyobraźni, настолько в последующие годы фестиваль всё более радикализировался. В то время в стране начинала распространяться слава о том, что где-то в Польше есть место, в котором группы могут представлять свое творчество, не боясь вмешательства цензуры. Растущий круг посвященных стал считать Яроцин своим фестивалем и своим местом, добавим — местом, собиравшим всё более бескомпромиссных, ищущих авторов. Во время следующего фестиваля — в 1982 году — это было уже очень заметно. Именно тогда на яроцинской сцене дебютировала одна из важнейших групп польского рока — «Dezerter», тогда еще под названием, взятым у советских ракет, «SS 20». Группа тогда шокировала не только названием, но и текстами:

Polen Über Alles

Снова на улицах тихо и чисто
Снова на дно залегли анархисты
Снова приговор выносится на раз
Снова в глазах слезоточивый газ

Polen, Polen über alles
С народом Партия, с Партией народ
Вместе дружно к светлым вершинам
Вот завершим мы свой поход
И каждому будет своя машина

Когда начнется третья мировая
Атомная война большая
Кто накормит, кто напоит
Великой армии героев?

На фестиваль 1982 года приехало 6 тысяч фанатов, а кроме них ряд групп, игравших панк и новую волну. Именно благодаря им мероприятие радикально изменило свое лицо.

Будущее фестиваля тогда стало также более определенным. Организаторы подчеркивали, что это исключительно безопасное мероприятие, лишая противников фестиваля аргументов. В тот момент они ограничились требованием воспитательного воздействия на собравшуюся молодежь. Эта идея оказалась головоломной, если учесть, какая молодежь приезжала в Яроцин, и то, что роль воспитателя отводилась ССПМ. Духовная пропасть, разделявшая две эти среды, была столь огромна, что трудно говорить о каком-либо их влиянии друг на друга. Высший момент развития яроцинского фестиваля пришелся на 1984–1985 годы. Тогда заявки на конкурс подали соответственно 327 и 436 групп. В 1984 году у организаторов возникли проблемы с выбором лучшего, и было выбрано целых 8 лауреатов — группы Jaguar, Kat, Moskwa, Ostatnie Takie Trio, Piersi, Prowokacja, Rendez-Vous и Siekiera. Все упомянутые коллективы потом появились на польской сцене, а такие группы как Siekiera или Moskwa стали легендарными. В те годы дебютировал и ряд других важных ансамблей: Armia, Sedes, Abaddon, Kultura, Madame, Fort BS, Variete, Made in Poland. В наступление шли панк-группы, хотя в польских реалиях их образ и послание часто отличались от оригинала.

В то время на фестивале началась также евангелизационная акция, предпринятая католической церковью^{За этой}

деятельностью внимательно следил 3-й отдел воеводского УВД в Калише. Архив Института национальной памяти в Лодзи (далее AIPN ŁD), WUSW Kal., 0044/12, Plan pracy Wydziału III WUSW w Kaliszu na rok 1985, 24 января 1985 г., к. 57, 64. Священники, в частности, организовали в костёле св. Ежи мессу за умерших музыкантов. Молодежи помогали местные францисканцы, обеспечивая приют, опеку и питание. В Яроцин приезжало много иногородних священнослужителей. Устраивались ночные бдения в костёле, лекции, показы фильмов. Вышеупомянутые мессы приобрели очень торжественный характер, а во время службы играли известные музыканты — например, органистом был Юзеф Скшек. Бунтующая молодежь воспринимала эту акцию удивительно позитивно. После отличных фестивалей 1984–1985 годов у Яроцина уже была собственная публика и собственная идеология. В фестивальном буклете 1985 года мы читаем: «Мы никогда не победим (впрочем, в искусстве речь ведь не об этом), и всегда часть людей будет враждебно относиться к нашей музыке, но мы никогда и не проиграем, потому что всегда будут артисты, которых нельзя купить ни за какие деньги или заставить свернуть со своего пути»^Архив Регионального музея в Яроцине (далее AMRJ), 1955, W-17/11, Festywal Muzyków Rockowych Jarocin 1985. Awangarda i promocje, Фестивальный буклет, стр. 3.

Фестиваль уже тогда настолько изменил свой характер, что на нем практически не было места телевизионным звездам. Когда на фестиваль в 1985 году приехала группа «Republika», ее освистали и забросали огрызками. Лучше всего публика принимала то, что было выражением искреннего и очень радикального бунта. Нужно, однако, добавить, что в тот период это стало всё чаще проявляться в виде нетерпимости по отношению к некоторым исполнителям. Она вытекала, в частности, из всё более явного разделения на поклонников разных жанров музыки, относившихся друг к другу с нараставшей неприязнью. Несмотря на заметные положительные изменения в настроении властей и СМИ в отношении фестиваля, за это мероприятие постоянно шла закулисная борьба. На заседаниях бюро городского комитета ПОРП в Яроцине, еще в декабре 1980 года, начальник милиции однозначно просил «принять постановление, обязывающее организаторов прекратить мероприятия такого рода в Яроцине». К счастью, нашлись и защитники мероприятия, голоса которых перевесили. Мариан Шурыгайло, директор Яроцинского дома культуры, заявил, что «на мероприятии, посвященном 25-летию Яроцинского станкостроительного завода, организованном в Доме культуры, поведение участников было гораздо худшим, чем у фестивальной молодежи. Он также выдвинул аргумент, что в городе практически не бывает культурных мероприятий, а в местном театре за трехлетний период было продано в индивидуальном порядке три билета»^Государственный архив в Калише (далее AMRJ), Rada Narodowa Miasta i Gminy Jarocin, 27, Protokół nr XX/81 z XX sesji RN MiG Jarocin, 29 декабря 1981, к. 285-286.

Наибольшие опасения за будущее фестиваля появились после введения военного положения. В 1982 году калишский воевода подписал согласие на его организацию только 30 июля. Вопрос, было ли это его самостоятельным решением или директивой из центра, к сожалению, остается без ответа. Вероятнее всего, власти считались с риском дальнейшего ухудшения своего образа в глазах молодого поколения. Организация последующих мероприятий также не обходилась без эмоций. Лишь с 1986 года судьба фестиваля стала более определенной. Однако, с другой стороны, это было следствием начала интенсивного негласного наблюдения во время мероприятия и большего контроля над ним. Подготовка к фестивалю стала, к примеру, предметом заседания бюро яроцинского комитета ПОРП. В специальной встрече с участием городских властей и председателя местной организации ССПМ принял участие также глава УВД округа. Его заявление: «Наши власти очень серьезно подошли в этом году к нашему мероприятию» — свидетельствует о том, что тогда начался новый этап в деятельности аппарата безопасности по отношению к фестивалю^{АРК}, Komitet Miejsko-Gminny PZPR w Jarocinie, 35/6, Protokół posiedzenia Egzekutywy KMG PZPR w Jarocinie, 24 июля 1986, к. 164-166. О том, что к т.н. оперативному обеспечению мероприятия было более серьезное отношение, свидетельствует передача его воеводскому УВД в Калише^{AIPN Łd, WUSW Kal., 0044/15, т.5, ч.11, к. 14-15.}

Год спустя фестиваль впервые был организован согласно указаниям Министерства культуры и искусства по вопросу правил организации фестивалей. Организаторы подчеркивали, что у них «имеются все тексты исполняемых на фестивале произведений, цензурированных индивидуально»^{АРК}, Rada Narodowa Miasta i Gminy Jarocin, 41/6, Sprawozdanie z organizacji i finansowania Festiwalu Rockowego Jarocin '87, 22 сентября 1987, к. 391-392.

Для развития обозначенной темы цензуры здесь недостаточно места. Можно лишь сказать, что формально в отношении «Яроцина» она появилась в 1986 году, однако, при помощи различных приемов ее удавалось обходить. К ним относилась, например, сдача в цензуру иных текстов, нежели те, что в результате исполнялись, или ослабление рвения цензоров большим количеством алкоголя. Следует также помнить, что тексты должны были оцениваться во время многочасовых (в том числе и ночных) концертов. На практике, цензоры почти всегда заканчивали свою работу через несколько часов после начала мероприятия.

В 1987 году была разработана также «программа идейно-воспитательной работы». Ее элементом было, к примеру, выступление группы «Sztuwny Pal Azji» («Жёсткий Кол Азии») на яроцинской мебельной фабрике, которое сочли «примером интеграции местной среды с рок-культурой»^[Mak.], Jarocin grzeczny i spokojny, „Gazeta Poznańska”, 7 июля 1987.

Гостем мероприятия в 1987 году был министр Александр Квасьневский, который якобы подчеркивал, что является сторонником фестиваля. Его визит вызвал немалую сенсацию, так как на стадионе он был первым в истории фестиваля молодым человеком в костюме Jerzy Baczyński, Jacek Mojkowski, Turbacja mas, „Polityka” 1987, №33.

После 1989 года начался постепенный закат фестиваля. Еще в конце восьмидесятых яроцинское мероприятие стало терять свое значение. Также всё сильнее давали о себе знать негативные явления — разделение на нетерпимые субкультуры, агрессия либо фрустрация панковской среды, бунтовавшей против коммерциализации фестиваля. Последний раз он состоялся в 1994 году. Уже в первый день дошло до побоища на улицах города, что решило судьбу мероприятия.

Польская молодежь в начале восьмидесятых не интересовалась тем, что могли предложить ей власти. Официальные государственные молодежные организации были практически мертвыми, оставаясь, в первую очередь, объектом насмешек молодого поколения. Если организация ССПМ летом 1980 года могла предложить лишь участие в «Молодежной акции «Жатва», легко понять, что это принесло результат прямо противоположный ожидаемому. Я, однако, не акцентирую здесь роль молодежных организаций, конкурировавших с государственными — таких как Независимый союз студентов. Ведь они не были тем местом, где могли реализовать свои интересы бунтующие фанаты яроцинской музыки. Здесь проявлялась специфика яроцинского фестиваля. Бунт против господствовавших в стране общественно-политических отношений, ненависть к системе были также связаны с отрицанием политики вообще. Так что группы избегали высказывать какие-либо политические симпатии, чтобы не быть обвиненными в «продаже своей музыки на службу идеологии». Не случайно этот круг артистов сам для себя использовал определение «третий оборот», в отличие от сильно политизированного творчества «второго оборота» (самиздата). Характерно, к примеру, то, что фестивальная публика отвергала творчество бардов «Солидарности».

Представленная выше характеристика фестиваля должна стать исходной точкой для ответа на вопрос, в какой степени яроцинский фестиваль играл для молодых польских любителей рока роль т.н. клапана безопасности. Для понимания этой темы нужно сразу сделать некоторые замечания относительно понимания характера рок-музыки и того, чего ожидала от нее молодежь. С начала восьмидесятых годов мы наблюдали в Польше явление своего рода моды на молодежную музыку, которое было заметно и в СМИ. Именно тогда началась карьера таких ансамблей как «Oddział Zamknięty», «Lady Pank», «Republika» или «Lombard». В карьере этих несомненных звезд польской сцены также были эпизоды, связанные с борьбой против цензуры, а публика на их концертах воспринимала некоторые тексты как политические аллюзии. Во время концертов группы «Perfect» публика изменяла тексты песен и вместо «Хотим быть собой» пела «Хотим бить ЗОМО»^{ЗОМО — польская силовая структура, занимавшаяся разгоном акций протеста — Примеч. пер.}, а у коллектива «Maanam» были огромные проблемы после отказа выступить на концерте, прославлявшем дружбу с Советским Союзом. Упомянутые группы не следует, однако, ставить в один ряд с исполнителями, важными для фестиваля в Яроцине. Эти «телевизионные» группы яроцинская публика считала недостаточно аутентичными и в лучшем случае игнорировала их. Ведь на яроцинский фестиваль приезжали ансамбли, представлявшие направление, которое на Западе называли независимой сценой, либо — кажется, менее точно — альтернативной музыкой. Так что яроцинские исполнители оставались в оппозиции не только к ПНР-овской действительности, или к т.н. миру взрослых. Они в равной степени бунтовали против художественного порабощения и конъюнктурности авторов. В таком случае напрашивается вопрос: можно ли говорить о клапане безопасности, если артисты не соглашались ни на какие компромиссы — как идеологические, так и художественные? По моему убеждению — нет. В то же время кажется, что теория клапана намного более уместна в случае упомянутых «телевизионных» звезд, исходя из более легкого характера их творчества, а также сознательных действий руководства, желавшего предоставить молодежи развлечение с весьма конкретной целью.

Другой причиной, по которой трудно принять теорию клапана, является характер яроцинской публики, а также узкий круг любителей этой музыки. Да — интерес СМИ, проявлявшийся в поисках скандалов и курьёзов, привел к тому, что о фестивале слышали по всей стране. Однако это не отменяет того факта, что Яроцин не был мероприятием для широкого круга слушателей, а до определенного момента оставался фестивалем для посвященных.

В высказываниях тогдашних руководителей появляется тезис о том, что в Яроцине разрешалось так сильно раздвинуть границы свободы из-за его провинциального характера. Его точность, однако, спорна. Ведь в то же самое время в центре Варшавы проходил фестиваль «Róbrege», где выступали яроцинские группы. Таких мероприятий, на которых встречались любители этой музыки, было значительно больше. Думаю, что более убедительным является тезис о недооценке властями всей этой публики. Экстравагантно выглядевшие молодые люди часто считались обычными чудаками, которые не слишком интересовались политикой, а значит и не казались серьезной угрозой. Не случайно наибольший интерес у госбезопасности во время фестиваля вызывали представители евангелизационных групп либо Движения альтернативного общества^{AIPN Łd, WUSW Kal., 0044/12, Plan pracy Wydziału III WUSW w Kaliszu na rok 1986, 28 января 1986 г., к. 73, 77. Движение альтернативного общества (Ruch Społeczeństwa Alternatywnego, RSA) — польская анархистская организация, возникшая в Гданьске в начале 80-х годов XX века —}

Примеч. пер. . Ведь их отличала высокая степень организованности и опыт деятельности в масштабе всей страны. Приведенные выше тезисы подтверждает мнение Казимежа Жигульского — министра культуры в 1982–1986 годах, который так говорил о фестивале: «В то время, когда я был министром, «Яроцин» не относился к числу самых важных вопросов. [...] Он не был тем местом, где можно было ожидать каких-то существенных, в смысле всего общества, событий»^{Рассказ Казимежа Жигульского от 16 февраля 2004. В собственности автора.}

С этим последним утверждением трудно не согласиться. Несомненно, подавляющее большинство общества не знало, что такое «Яроцин», и не понимало его. Это определялось характером приезжавших туда исполнителей и публики — не такой, как большинство их сверстников.

Часто считается, что важнейшим мотивом того бунта была традиционная, поколенческая оппозиция миру взрослых. Я абсолютно не согласен с этим. Думаю, что значительная часть этой среды проявляла бóльшую зрелость по сравнению со сверстниками, критикуя их за бездумный стиль жизни. Некоторые шокирующим образом нападали на всеобъемлющую ложь и конформизм. Панк-группа WC в своей песне «Ванная» пела:

Лицемеры, фетишисты
Отстой!
Убивать их всех!
Поколение конформистов
Отстой!
Убивать их всех! [...]
Дискотека, блядотека
Отстой!
Убивать их всех!

Такая оценка собственного поколения, может быть, слишком радикальна и утрирована, однако она свидетельствует о вполне сознательном отрицании определенных моделей. Но руководство рассматривало эту сознательную инаковость яроцинской молодежи как своего рода чудачество. Наверное, поэтому, повторяю я, описываемая среда не казалась ему опасной.

С отмеченным выше явлением увязывается еще один аргумент против теории клапана. Им является послание, лившееся с яроцинской сцены, и различные способы реагирования на действительность. Весьма радикальный способ, которым группа WC артикулировала свое сопротивление, не был характерен для всех участников фестиваля. Если мы говорим о бунте, то имеем в виду естественную, спонтанную реакцию на окружающую нас действительность. В случае реалий ПНР эту действительность олицетворяли грязь, серость, ложь, чувство безнадежности. Реакцией на эти явления часто было контрастировавшее с ним и удивительно позитивное послание, подчеркивавшее ощущение некоего сообщества и даже братства или любви. Возможно, поэтому группы, предлагавшие позитивное послание, обладали большей харизмой, чем ансамбли, полностью принимавшие «ортодоксальную» панковскую идеологию со всем ее нигилизмом. В репертуаре группы «Dezserter» была песня «Нужно просто хотеть»:

Хочу о любви сказать тебе что-то
Про ненависть ты всё давно узнал
Любовь оружием стать тебе может
Но если только ты захочешь сам

Это определенно не было типичным текстом для панк-группы. Здесь трудно шире развивать эту тему, но если мы ищем феномен Яроцина, то, по моему мнению, нужно идти и в этом направлении. Итак, формой реакции на печальную действительность должна была стать бескомпромиссность, способность не поддаваться унынию и не отказываться от идеалов. Другая легенда Яроцина — группа «Армия» — в песне «Брось это» пела:

В тумане своих мыслей
на месте ты стоишь
твой дух всё ниже, ниже, и ты как будто спишь
а им того и надо
неверия и лжи
тогда рабом ты станешь
таким же, как они
брось это...

Выходит, группы как бы давали рецепт — как вести себя в коммунистической действительности, как избежать порабощения и остаться собой. Стоит добавить, что функционеры ГБ, наблюдавшие за фестивальной молодежью, совершенно не обращали внимания на эту проблему. Тогда как яроцинские ансамбли формировали

взгляды молодых людей. Одновременно музыканты и публика вместе образовывали группу, которая оставалась абсолютно устойчивой к фальши и лицемерию, вездесущим в коммунистической реальности. Может быть, тогдашние власти думали о Яроцине как способе канализировать интересы молодежи. Однако недооценка направления, в котором двигались эти интересы, свидетельствует о полном отсутствии воображения. В конце мне бы хотелось затронуть еще один важный аспект всего этого явления. Вполне очевидно, что, несмотря на все пробелы и недосмотры, тогдашняя система радикально ограничивала активность молодежи, свободу высказываний или просто осуществление их надежд. Однако иногда, парадоксально, это удавалось использовать для того, чтобы реализовать именно эти цели. Яроцинское мероприятие, в чисто организационном аспекте, в определенном смысле воспользовалось теми реалиями. Ведь если было принято решение об организации фестиваля, то местные руководители чувствовали себя ответственными за его подготовку. Секретарь ПОРП в Яроцине Ян Яйор подчеркивал, что не задумывался над политическим звучанием мероприятия, а думал лишь о том, «чтобы как-то показать этот Яроцин»^{Рассказ Яна Яйора от 6 февраля 2004. В собственности автора.} Чувствовали свою обязанность сотрудничать с организаторами, к примеру, директора предприятий или формирования Гражданской обороны, которые в рамках учений помогали поддерживать порядок. Директора предприятий помогали в строительстве сцены, конструкций и т.п. Туалеты были выстроены из блоков, переданных одним из предприятий под видом брака. Когда понадобилось 300 метров оцинкованной трубы для подачи воды в палаточный лагерь, ее одолжили с согласия директора местного сахарного завода. Здесь не нужно добавлять, что в условиях рыночной экономики затраты на все эти услуги понесли бы организаторы. Тут напрашивается вопрос — не тот, что сформулирован в заголовке моего реферата. Так это власти использовали яроцинскую публику в своих целях, или наоборот — молодежь использовала парадоксы той системы для создания некоммерческого, бескомпромиссного мероприятия в центре коммунистического блока?

Томаш Тоборек — кандидат исторических наук, руководитель образовательного отдела в лодзинском отделении Института национальной памяти. В 2000 году защитил кандидатскую диссертацию по историческому прессоведению на факультете вспомогательных исторических наук Института истории Лодзинского университета. Соавтор книги «Яроцин в объективе госбезопасности» — о надзоре Службы безопасности за участниками рок-фестиваля. Занимается историей вооруженного антикоммунистического подполья, а также молодежной культурой в ПНР.

Статья из сборника «Пути к свободе в культуре Центральной и Восточной Европы 1956 — 2006». Сборник материалов конференции 5-7 ноября 2006 года в Высшей профессиональной школе «Кадры для Европы» в Познани под редакцией Богуслава Бакулы и Моники Талярчик-Губалы.

Перевод Владимира Окуня

3: Проснись!

Конец 70-х и 80-е годы XX века были началом формирования в Польше независимой музыкальной сцены. Именно тогда появились главные польские группы, игравшие альтернативную музыку, тогда же музыка в последний раз сформировала целое поколение. Прежде всего это было обусловлено тяжелой политической ситуацией в стране в эпоху военного положения, арестов оппозиции, усиления цензуры, из-за которой количество профессиональных музыкальных записей групп того времени оказалось столь невелико. Самые известные из них, такие, как «Czarna płyta» («Черный альбом») группы Brygada Kryzys или знаменитая «четверка» Dezerter появились благодаря случайному стечению обстоятельств. Другие «редкие птицы», такие, как винил «Król much» («Король мух») группы Kryzys, «Ambicja» («Амбиция») Deadlock или «Wet za wet» («Око за око») быдгощской группы Abbadon, были записаны за границей и изданы во Франции. В Великобритании был выпущен концертный винил Brygada Kryzys, известный как «альбом с Дворцом культуры» (на обложке пластинки был изображен якобы падающий Дворец культуры и науки в Варшаве), а в США «Underground out of Poland» («Андеграунд из Польши»), первый альбом группы Dezerter. В связи с явным дефицитом записей новой музыкой, которые было очень трудно достать, важнейшим явлением, сформировавшим альтернативную культуру тех лет, стали музыкальные фестивали, самым крупным и главным из которых был фестиваль в Яроцине. Когда слушаешь архивные записи, сделанные на микшерной консоли, и другие музыкальные свидетельства того времени, выпущенные спустя много лет, становится понятно, что независимая музыка того времени была очень разнообразной и интересной, несмотря на технические недостатки и отсутствие должных навыков у многих ее

творцов.

Панк-революция началась одновременно с появлением The Ramones в США в 1976 году и Sex Pistols в Великобритании в 1977-м и быстро добралась до Польши. Характерной чертой ее начального этапа был бунт против системы, неунифицированная манера одеваться, отсылающая к эпохе хиппи, но уже с появлением на берегах Вислы альбомов The Exploited, GBH, Discharge, Crass, а также Joy Division и Боба Марли среда панк-рокеров идеологически радикализировалась и стала вдохновляться разными новыми стилями, результатом чего стали, к примеру, первые альбомы регги. Считавшийся первым польским панком Лешек Даницкий, известный под псевдонимом Валек Дзедзей, пел в 1977 году на улицах Варшавы песни протеста в стиле Боба Дилана, вдохновленные панк-роком.

Я не маленький

Я не умный

Я не глупый

Я не состою в ССМе^{ССМ} — Союз социалистической молодежи (польск. Związek Młodzieży Socjalistycznej, ZMS), молодежная организация в ПНР. — Здесь и далее примеч. пер.

Я не состою в КЗР^{КЗР} — Комитет защиты рабочих (польск. Komitet Obrony Robotników, KOR), правозащитная организация польской оппозиции в 1976-81 годах.

Я не состою в партии

Я блядь не хожу строем

Валек Дзедзей, «Не хожу строем»

Группы Deadlock, Kryzys и Tilt играли смесь панк-рока и «новой волны» с элементами регги, а их тексты скорее были вне-, а не антисистемными. Это была полная экспериментов и поисков авторская музыка, более близкая песням The Clash с альбома «London Calling», нежели Sex Pistols и их «Never Mind The Bollocks». После распада Deadlock, а также объединения групп Kryzys и Tilt в 1981 году появился коллектив Brygada Kryzys. В группу вошли Роберт Брилевский, Томаш Липинский, басист Иренеуш Веренский, ударник Славомир Слочинский, саксофонист Томаш Свительский, а также Ярослав Пtasинский, игравший на перкуссии. Это была своего рода группа «на черный день», в трудное время возобновляющая деятельность по решению своих лидеров. Первый состав группы сложился в очень тяжелый для рядового поляка момент истории ПНР. Не за горами было brutальное подавление «карнавала Солидарности». Группа успела проехать по Польше с концертным туром в ноябре, записав неавторизованную пластинку «Live», изданную в Великобритании студией «Fresh Records UK» (и известную как «альбом с Дворцом культуры»). 13 декабря было введено военное положение, на улицах городов появились танки, были отключены телефоны, введен комендантский час, оппозиционеров бросили в тюрьму, совершались даже политические убийства. Всё это поставило крест на зарубежных гастролях группы, несмотря на достигнутые договоренности, пришлось также отказаться от выпуска пластинки на югославском лейбле «Jugoton». Группу вычеркнули из списка участников «фестиваля свободы» во дворце спорта «Оливия» в Гданьске (аналог фестиваля в Сопоте, который в 1981 году не состоялся) из-за ее планов относительно сценария собственного выступления (планировалось начать концерт группы в полной темноте с завывания сирен, после чего на сцену должна была выйти женщина с винтовкой, ведущая за руку ребенка). От концерта в варшавской «Гвардии» музыканты отказались сами, поскольку на афишах название их группы было написано как Brygada K. В 1982 году Януш Ролт сменил Славомира Слочинского на ударных. Неожиданно появилась возможность записать материал для пластинки — в варшавском районе Вавжишев была открыта новая студия лейбла «Tonpress KAW», и группе Brygada Kryzys предложили эту студию протестировать. Было записано полтора десятка якобы тестовых песен, запись осуществлял Куба Новаковский. После пререканий по поводу дизайна обложки (с нее была убрана буква S, которая у начальников ассоциировалась с нацистской символикой), альбом, благодаря невежеству чиновников, увидел свет. По легенде, подавляющую часть опубликованного тиража в 100 тыс. экземпляров впоследствии утилизировали, пустив на изготовление пуговиц. Сессия оказалась необыкновенно удачной, был записан один из лучших польских рок-альбомов, который трудно отнести к какому-то конкретному музыкальному стилю, соединивший влияние панка с гипнотичностью «новой волны» — сами музыканты называли этот стиль «панкоделия», от слов «панк» и «психоделия». Открывающая альбом композиция «Centrala» («Коммутатор») стала гимном тех времен. В сентябре 1982 года группа решила прекратить свою деятельность по причине ее полной бесперспективности. Брилевский основал группу Izrael, а Липинский реанимировал Tilt.

Еще одной культовой группой, появившейся в 80-х годах, была Dezerter. Существующая до сих пор, она начинала в 1981 году как квартет, в который входили автор текстов Кшиштоф Грабовский — ударные, Роберт «Робаль» Матера — гитарист, Дариуш «Степа» Степновский — бас и Дариуш «Скандал» Хайн — вокал. Поначалу группа носила имя SS-20 (от названия советских баллистических ракет с ядерными боеголовками — польская пресса в то время делала вид, что их не существует). На исполнение политически актуального и

жесткого панка группу вдохновил альбом The Vibrators, который Грабовский купил на музыкальной барахолке в Варшаве. Осенью 1982 года вместе с группами TZN Xenna и Deuter музыканты съездили в концертный туре «Рок-Галиция» по южной Польше. Летом того же года группа выступила на фестивале «Яроцин-82». В конце того же года пошли слухи, что публичные выступления SS-20 были запрещены, в связи с чем группе пришлось сменить название.

В 1983 году в студии «Tonpress KAW» группа записала четыре композиции для сингла: «Ku przyszłości» («К будущему»), «Spytaj milicjanta» («Спроси мента»), «Szara rzeczywistość» («Серая действительность») и «Wojna głupców» («Война дураков»). Тексты песен были пародией на социалистическую действительность. Сначала цензура не предъявляла к ним претензий, однако через какое-то время чиновники потребовали объяснений, которых не получили. Чтобы наказать группу, значительную часть тиража пластинки уничтожили.

В 1984 году группа последний раз выступила на фестивале в Яроцине, курируемом Вальтером Хелстовским. Этот концерт стал легендарным. Причиной тому стал скандал между группой и организаторами. Сначала музыканты не хотели начинать выступление из-за ужасной жары и огромных клубов пыли, которые поднимала в воздух 20-тысячная публика. Дышать было нечем, музыканты просили полить плиты стадиона водой. Просьба не была исполнена, и вскоре — слово за слово — началась перебранка, закончившаяся лишь после угрозы вмешательства отрядов ЗОМО³ОМО (польск. Zmotoryzowane Odwoły Milicji Obywatelskiej – Отряды моторизованной поддержки гражданской милиции) — силовая структура ПНР, предназначавшаяся для охраны общественного порядка, а также борьбы с оппозицией и разгонов акций протеста³, находившихся в лесу неподалеку. Dezerter сыграли отличный концерт.

Музыканты выпустили его на кассете за собственный счет (назвавшись лейблом «Tank Records») под названием «Jeszcze żywy człowiek» («Еще живой человек»), а в 2011 году концерт был издан фирмой «Pasażer» на двойном виниле и cd-диске. В том же году в Польше гастролировала группа DOA. Музыканты Dezerter встретились с канадцами после их концерта в клубе «Remont», а на следующий день пригласили их в клуб «Hybrydy», откуда зарубежные гости вышли с синглом поляков и кассетой с их яроцинским выступлением. Результатом встречи стала выпущенная фирмой «Maximum Rock'n'Roll» в 1987 году в США пластинка «Underground out of Poland» («Андеграунд из Польши»). Тем временем в Польше официально вышел дебютный альбом группы. Он должен был называться «Kolaboracja» («Коллаборация»), но после вмешательства цензуры был выпущен фирмой «Klub Płyty Razem» под названием «Dezerter» ограниченным тиражом пять тысяч экземпляров. Запись была сделана в измененном составе уже после ухода из группы в 1985 году «Скандала» (вокалистом стал Роберт Матера) и заменой басиста Дарека Степовского на Павла Петровского. Цензура «запикала» некоторые фразы в текстах песен. В обстановке упадка коммунистической системы Dezerter выпустили еще один альбом, который должен был называться «Kolaboracja II», однако, так же как и в случае с первой частью, цензура изменила название на «Dezerter». На альбоме были такие песни, как «Budujesz faszyzm przez nietolerancję» («Своей нетерпимостью ты устанавливаешь фашизм»), из которой цензура вырезала фрагменты куплетов, и «El Salvador» о гражданской войне в Сальвадоре. В своей первоначальной версии оба альбома были переизданы в 90-х годах лейблом «QQRYQ Productions», за которым стоял Петр «Пета» Вежбицкий, выпускавший в 80-е подпольный панк-роковый журнал «QQRYQ».

Часто отдельные профессионально записанные песни попадали в сборники, представлявшие новую музыку, такие, как «Fala» («Волна») 1984 года и «Jak punk to punk» («Уж если панк, то панк») 1986 года.

В первый вошли песни панк-групп Siekiera, Dezerter, Prowokacja, Abaddon, Tilt и Kryzys, а также композиции коллективов Izrael, Bakshish, Kultura и Rio Ras, исполнявших регги. Заканчивался сборник песней «Swoboda» («Свобода») фолк-музыканта Юзефа Броды. Вплоть до 2009 года, когда был издан альбом «Na wszystkich frontach świata» («На всех фронтах мира»), это было единственное официальное издание ранних песен пулавской группы Siekiera. Группа Prowokacja — лауреат яроцинского фестиваля 1984 года — так и не дождалась выпуска официального альбома. В сборник вошла ее песня «Prawo do życia, czyli kochanej mamusi» («Право на жизнь, или Любимой мамочке»), протестующая против аборт. Dezerter были представлены песнями «Plakat» («Плакат») и «Nie ma zagrożenia» («Опасности нет»), записанными после их на шумевшего сингла и не уступавшими предыдущим работам коллектива — эти композиции метили в политическую систему с той же силой, что и «Серая действительность» или «Спроси мента», будучи антивоенным и антиядерным посланием. Вошедшая в сборник «Jak punk to punk» песня «Кто?» быдгощской группы Abaddon также вышла на их альбоме «Wet za wet» («Око за око») и на неофициальном сингле «Walcz o swoją wolność» («Борись за свою свободу»).

В сборнике «Jak punk to punk» со своими записями дебютировали группа Armia с композицией «Na ulice» («На улице»), а также написанными под влиянием книги «Властелин колец» песнями «Jestem drzewo jestem ptak» («Я дерево, я птица») и «Jeżeli» («Если»), группа Rejestracja с композициями «Homer 1125» и «Wszystko można otoczyć mgłą» («Все можно окружить туманом») и группа Process с песней «Stroszek» («Патлы торчком»). Варшавский коллектив TZN Xenna, кроме двух вышедших на сборнике песен — «Gazety mówią» («В газетах пишут») и «Co za świat?» («Что за мир?») — записала еще две композиции для вышедшего в 1986 году сингла: заглавную «Dzieci z brudnej ulicy» («Дети с грязной улицы») и «Ciemny pokój» («Темная комната»). В сборнике также есть несколько песен групп Siekiera: «Ja stoję, ja tańczę, ja walczę» («Я стою, я танцую, я борюсь») и

«Ludzie Wschodu» («Люди Востока»), записанные в стиде колдвейв, Dezerter: «Nie ma nas» («Нас нет») и «Uległość» («Покорность») и Abaddon: «Kto?» и «Wet za wet». Ценность этого альбома обусловлена, в частности, тем, что этих композиций (за исключением «Kto?» группы Abaddon) не было на других польских винилах. Дебютировавшая тогда Armia решительно выделялась своими текстами, выражавшими антисистемные идеи. А песня группы Rejestracja «Numer 1125» (другое название — «Kontrola»), как и их композиция «Wariat» («Безумец»), стала гимном субкультуры панков тех лет, благодаря чему Rejestracja по праву считается легендой польской панк-сцены.

После дебюта в сборнике «Jak punk to punk» Armia в 1988 году записала свой первый альбом «AntiArmia», которому предшествовал сингл «Aguirre» (на его запись группу вдохновил фильм Вернера Херцога «Агирре, гнев божий»). Группа была основана в 1984 году в варшавском клубе «Hybrydy» вокалистом группы Siekiera и художником Томашом Будзыньским, гитаристом групп Brygada Kryzys и Izrael Робертом Брылевским, а также саксофонистом Izrael Славомиром Голашевским. Благодаря таланту Брылевского-аранжировщика и умению Будзыньского писать умные злободневные тексты, а также участию в записях валторниста Кшиштофа «Банана» Банасика, музыка группы Armia была гораздо шире социально-политического контекста тех лет, ей куда ближе были британские New Model Army или Killing Joke, нежели игравшие синтез панка и хардкора The Exploited. Общую картину завершала обложка с явным влиянием этнических мотивов. Группа в измененном составе записывается и концертирует до сих пор. В начале 2018 года фирма «Manufaktura Legendy» выпустила диск «WARSAW PUNK PACT vol. 1 Berlin — Warszawa Tribute EP», на котором были песни «Niewidzialna Armia (Anti-Armia)» («Невидимая армия (Анти-армия)» в исполнении немецкого коллектива Die Firma и «Wolny naród» («Свободный народ») группы Izrael в интерпретации команды Feeling B. На обломках этих немецких групп появилась популярная во всем мире группа Rammstein.

Очень многим группам, игравшим в 80-е годы XX века, так и не удалось записать ни одной пластинки. Спустя годы на основе репетиционных и концертных записей, а также сохранившихся на кассетах демо-версий, были выпущены альбомы торуньской группы Rejestracja — «Zaśpiewajmy poległym żołnierzom» («Споём погибшим солдатам»), пионеров панк-рока Siekiera — «Na wszystkich frontach świata» («На всех фронтах мира»), групп Bikini — «Dokument», WC — «Archiwum» («Архив»), Dzieci Kapitana Klossa — «Syf bałtycki» («Балтийский мусор»), TZN Xenna — «Ciemny pokój» («Темная комната»), Śmierć Kliniczna — «1982-84», «Nienormalny świat» («Ненормальный мир») и Deuter — «Ojczyzna blizna» («Родимый шрам»). Нельзя не упомянуть также о группе Zbombardowana laleczka, которую помнят до сих пор благодаря песне «Syneczku» («Сыночек»), исполненной в Яроцине в 1986 году и документальному фильму «Волна» режиссера Петра Лазаркевича. Стоит также вспомнить, что в 80-е появилась одна из важнейших групп следующего десятилетия — Post Regiment. А еще это было время расцвета музыки колдвейв, регги, «новой волны», время таких групп, как Maanam, Kult, T. Love, Klaus Mittföch, Republika, Bielizna, Sztwiny Pal Azji, Moskwa, KSU и многих других.

DEZERTERСерая действительность

Вы мне не нужны, я хочу быть один,
оставьте меня — отвалите все!
Я знаю, как жить, я сам себе господин,
оставьте меня — отвалите все!

Я совсем другой, я не такой, как вы,
я плевал на ваши глупые идеи и сны.
Серая действительность, ваша действительность
мне до фонаря, отвалите все!

Меня не напугают дубинки патруля.
Идите вы все на хер, отвалите, бя!
Я буду жрать помой, я буду пить бензин,
хочу я жить на воле, хочу я быть один!

Хочу быть один!
Хочу быть один!
Оставьте меня,
отвалите все!
Хочу быть один!
Хочу быть один!

Оставьте меня,
отвалите все!
Хочу быть один!
Хочу быть один!
Оставьте меня,
отвалите все!
Хочу быть один!
Хочу быть один!
Оставьте меня,
отвалите все!

BRYGADA KRYZYS
Хватит спать

Я — всего лишь твой сон.
А ты — мой. Мы все — миражи.
Ты закрываешь глаза.
Что тебе снится, скажи?
Это только сон,
это только сон,
это только сон, сон, сон.
Ты всего лишь спишь.
Ты только бредишь.
Это все твои глюки.
Ад и рай.
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Потеряешь свои сны,
потеряешь свои сны,
потеряешь свои сны,
потеряешь их и ты, и ты.
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Все на свете меняется,
меняется все на свете,
пылает большой огонь
и дует великий ветер.
Все меняется, меняется,
меняется, меняется, меняется, меняется...
Я — всего лишь твой сон.
А ты — мой. Мы все — миражи.
Ты закрываешь глаза.
Что тебе снится, скажи?
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!

SIĘKIERA
Идет война

Пока за каждым пуля гонится,
и по ступеням хлещет кровь,
гном влез на рослую покойницу,
не смея скрыть свою любовь.
Взгляни-ка, мама — нам хана,
коль смерть дежурит у ворот.
Идет война, идет война,
резня кровавая идет.

Пока над загнанной кобылой
глумился ящер-крововос,
вдул пролетарий крокодилу,
и слопал обезьяну пес.
Вампир терзает горбуна
среди руин и нечистот.
Грядет война, грядет война,
резня кровавая грядет.

ARMIAЕсли

А если нам не хватит сил
а если нам не хватит сил
останутся с нами море и ветер
останутся с нами море и ветер
придет наше время
придет наше время

А если нам не хватит сил
а если нам не хватит сил
останутся с нами море и ветер
останутся с нами море и ветер
придет наше время
придет наше время

А если нам не хватит сил
а если нам не хватит сил
останутся с нами море и ветер
останутся с нами море и ветер
придет наше время
придет наше время

хой!

REJESTRACJA
Контроль

Контроль за твоими чувствами,
контроль за твоими действиями,
контроль за твоими мыслями,
контроль за твоими мыслями.
Ты — всего лишь номер в картотеке —

запреты, приказы, обязанности.
Так появляется существо,
которым легко манипулировать,
лишенное рефлекса обороны,
лишенное самоконтроля.
Твой номер — 1125.
Эй, 1125, сделай вот это!
Эй, 1125, принеси вон ту деталь!
И крутится, и крутится эта карусель
в любую минуту, в любой ситуации.
Контроль, контроль и еще раз контроль!
Контроль за твоими чувствами.
Контроль за твоими действиями.
Контроль за твоими мыслями.
ТВОЙ НОМЕР — 1125.

TZN XENNA

Темная комната

Темная комната, закрытая комната,
темные стены, черное небо,
мрачные люди, черная планета,
кругом один мрак, не видать ни зги.
И тут кто-то крикнул: «Откройте двери!»,
но не позволили хозяева мрака.
Здесь не бывает дней и ночей —
мы знаем только этот темный мир.

Бывает, проникнет слабый лучик света,
и сразу видно всю грязь в нашей комнате,
но дверь закрывается тут же с грохотом
тяжелым ударом армейского ботинка.

И ты снова ждешь тот слабый лучик света,
и ты снова ждешь тот слабый лучик света.

Вокруг нас
темная комната,
темные стены,
черное небо,
мрачные люди,
черная планета,
кругом один мрак,
не видать ни зги.
И тут кто-то крикнул:
«Откройте двери!»,
но не позволили
хозяева мрака.
Здесь не бывает
дней и ночей —
мы знаем только
этот темный мир.

Перевод Игоря Белова

4: Хроника (некоторых) текущих событий

- «Прошу не забывать, что полонофобия, которую мы наблюдаем за границей, пустила глубокие корни также и в нашей стране, более того, ее истоки в значительной степени находятся здесь, в Польше. В нашей стране по-прежнему немало влиятельных кругов, одержимых полонофобией. (...) Действия программы TVN, а также всё то, что сопровождало марши независимости в предыдущие годы — это откровенная спланированная провокация. Таково мое личное убеждение», — Ярослав Качинский, председатель правящей партии «Право и справедливость». («До жечи», 12-18 фев.)
- «Считаю, что нужно немедленно построить музей “Полокоста”, который бы рассказывал о действиях, направленных на уничтожение поляков как народа», — Марек Кохан, писатель, драматург, университетский преподаватель. («Жечпосполита», 20 фев.)
- «Идет борьба за Польшу, борьба не на жизнь, а на смерть. Все силы брошены на то, чтобы задушить возрождение демократической Польши. (...) Как верно сформулировал премьер (sic! — В.К.) Ярослав Качинский, мы были очень удобной, доходной неокOLONией для многих бизнес-воротил. И когда этому был положен конец, мы подверглись яростным нападкам. (...) Большие деньги идут от самых разных фондов, в том числе принадлежащих Джорджу Соросу. И эти фонды вытворяют здесь, что хотят, выстраивают систему влияния, делают наше общество беззащитным. Их цель, которую преследуют многие в ЕС — уничтожение национальных государств, дискредитация христианства, изменение национального состава Польши посредством массового заселения нашей страны мигрантами. (...) Господин Тиммерманс настолько ненавидит Польшу, что я не верю в его способность изменить точку зрения. (...) Сегодня со всей бесцеремонностью насаждается проект Альтиерио Спинелли, итальянского коммуниста, который стремился ликвидировать национальные государства и вообще само понятие нации ради создания безбожной европейской федерации», — Кристина Павлович, депутат Сейма от ПИС. («Сети», 19-25 фев.)
- «Расходы на культуру за последние два года выросли более чем на 20%, превысив в итоге порог в 1% государственного бюджета. (...) Важнейшее направление в деятельности министерства культуры — это “умножение сущностей”. (...) И никого не волнует, что уже существующие институты зачастую дублируют друг друга. Итак, вот ведущие проекты — Институт солидарности и мужества (...) и Национальный институт наследия. (...) Далее — Национальный институт польского культурного наследия за границей и Национальный фонд охраны исторических памятников (...), Национальный институт архитектуры и урбанистики (...), хотя два месяца назад был создан Национальный институт урбанистики и архитектуры, (...) Центр исследований тоталитаризма им. Витольда Пилецкого, а также Польская королевская опера. (...) Минкульт также активно участвует в строительстве целого ряда музеев (...): истории Польши, “проклятых солдат”, Юзефа Пилсудского (...), Иоанна Павла II (...), Вестерплатте и войны 1939 года (...), памяти сосланных в Сибирь (...), Варшавского гетто, восточных земель бывшей Речи Посполитой (...), дома-музея семьи Пилецких (...), музея жертв массовых казней в Пянице, рассказывающего о преступлениях гитлеровцев на Поморье. (...) Появляются и новые смелые идеи — к примеру, строительство музея Полокоста на Манхэттене в Нью-Йорке». (Петр Сажинский, «Политика», 28 фев. — 6 марта)
- «Вот уже несколько лет около 60% поляков не в состоянии прочесть за год даже одной книги. (...) В 2017 г. уровень книжного рынка в издательских ценах снизился на 2,1% до 2,32 млрд злотых. (...) Это сразу ударило по книготорговле — в 2017 г. исчезло более 400 книжных магазинов. (...) Сегодня их около 4 тысяч. (...) Начиная с 2009 г. закрылось более 3 тысяч». (Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 21 фев.)
- «На телеканале “TVР История” часто демонстрируются популярные телесериалы времен ПНР. (...) В финальных титрах перечисляются имена актеров и постановщиков. Цензура в это не вмешивается, за одним исключением — как правило, из титров убирают год производства картины. (...) К этой мере прибегают также на “TVР 1”, так что сейчас это распространенная практика на общественном телевидении. 5 февраля канал “TVР” в программе “Телетеатр” показал “Женитьбу” Николая Гоголя. (...) В титрах снова не был указан год записи спектакля, поскольку тот был поставлен в 1976 году. (...) На произведения, созданные после 1989 г., такая цензура не распространяется». (Эугениуш Гуз, «Пшегленд», 5-11 марта)
- «До недавнего времени мы могли вести разговор о Холокосте. Был диалог — он складывался по-разному, но он был. В нем участвовали преподаватели, историки, журналисты. Новая редакция закона об Институте национальной памяти существенно расширила пределы уголовного наказания за ряд высказываний. Теперь такие историки, как Ян Томаш Гросс и Ян Грабовский боятся приезжать в Польшу. Что это такое вообще? Последний раз мы наблюдали подобное при коммунистах. (...) Если вдруг окажется, что какой-нибудь историк из Польши, Израиля или США арестован в соответствии с нормами нового закона, то для польско-израильских отношений это будет просто трагедия! Самое главное, чтобы в Польше перестали повторять, что, мол, евреи во время Холокоста вели себя пассивно, что они принимали участие в убийствах наравне с немцами и украинцами. Господин Моравецкий — весьма достойный руководитель, а ошибки совершает каждый (...), но в таких нюансах польский премьер-министр все-таки должен разбираться лучше», — Зви Рав-Нер, бывший посол Израиля в Польше. («Жечпосполита», 20 фев.)
- «Как и коммунисты в марте 1968 года, нынешние власть предержащие в Польше вызвали антисемитский скандал умышленно. Им нужно было укрепить свою власть, расширить свой электорат за счет людей крайне правых взглядов. Для этого они и приняли этот несчастный закон об Институте национальной памяти. (...) Когда

этот закон обсуждался в Сенате, я голосовал против, потому что он ставит нас в один ряд с Россией и Турцией. (...) Польские власти таким образом еще и внушают обществу мысль, что мы великие, но недооцененные, что вокруг нас одни враги, что мы должны консолидироваться. Этому и служат антисемитская и антиукраинская риторика, равно как и антинемецкая — мы ведь требуем у Германии репараций. Ну, и еще конфликт с США, нашим главным союзником. А премьер-министр Моравецкий во время конференции в Мюнхене повторяет антисемитский бред о том, что евреи тоже виноваты в Холокосте! И сразу после этого возлагает цветы на могиле солдат Свентокшиской бригады Национальных вооруженных сил, известной своим сотрудничеством с немцами. Вот в какой атмосфере пройдет в свободной Польше 50-я годовщина событий марта 1968 года. Это очень удручает. Причем все это вытворяют люди, которые охотно рассказывают о своей принадлежности к “Солидарности”», — вице-маршал Сената Богдан Борусевич, партия «Гражданская платформа». («Польша», 2-4 марта)

- «Премьер-министр Моравецкий произнес злополучную фразу: “Разумеется, не будут наказываться утверждения о том, что поляки принимали участие в Холокосте наравне с евреями, русскими, украинцами, а не только с немцами”. Уже через час слова польского премьера были процитированы израильскими новостными порталами. (...) Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху (...) заявил, что слова главы польского правительства возмутительны». (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 19 фев.)

- «Председатель правящей партии, мягко говоря, пришел в ярость. (...) В Мюнхене премьер-министр говорил о том, что в Холокосте участвовали не только немцы, но также поляки и евреи. А ведь еще совсем недавно, 25 января в Сейме глава министерства внутренних дел и администрации Йоахим Брудзинский подчеркнул, что Польша была “народом жертв, а не убийц”». (Магдалена Рубай, «Факт», 20 фев.)

- «Уважаемый господин премьер-министр, (...) от имени правительства Речи Посполитой вы почтили в Мюнхене память солдат Свентокшиской бригады Национальных вооруженных сил. (...) Зачем вы возложили венок на могилы военных преступников, польских коллаборационистов, сотрудничавших с Третьим рейхом? (...) Как соотносятся произнесенные вами несколькими часами ранее слова о “еврейских исполнителях” Холокоста с цветами, возложенными на могилах поляков, проливавших еврейскую кровь? (...) Свентокшиская бригада никогда не подчинялась польскому правительству в изгнании. (...) В столкновениях с немцами Свентокшиская бригада вступала только изредка. В основном же она занималась “очисткой” Польши от евреев, украинцев, отрядов Батальонов хлопских, Армии людовой, деятелей Польской рабочей партии и советских партизан. Солдаты бригады часто расстреливали пленных, отпуская только немцев», — Ярослав Курский. («Газета wyborcza», 22 фев.)

- «1 марта перед гарнизонным костелом во Вроцлаве, где открылась выставка, посвященная “проклятым солдатам”, члены вроцлавского отделения Союза демократических левых сил зажгли 187 лампадок. По мнению историков, именно столько детей были убиты “проклятыми солдатами”». («Пшеглэнд», 5-11 июня)

- «В субботу в Павлокоме на Подкарпатье прошли траурные мероприятия в память об украинцах, погибших в 1945 г. от рук участников польского подполья. В Павлокоме приехали министр иностранных дел Украины Павло Климкин, посол Украины в Польше Андрий Дещица, многочисленные украинские делегации, в мероприятиях также участвовали представители украинской диаспоры Подкарпатья и греко-католическое духовенство. (...) В мае 2006 г. в присутствии президента Польши Леха Качинского и президента Украины Петра Порошенко были открыты кладбище и памятник убитым», — Матеуш Хмель («Газета wyborcza», 5 марта)

- «Если кто-либо из польских политиков будет по-прежнему требовать от нас запретить чествовать Степана Бандеру и УПА на Украине, мы ответим им: начните с себя. Перестаньте делать героя из Юзефа Пилсудского, который запятнал себя жестоким усмирением украинцев в Галиции, и восхвалять Армию крайову, отряды которой совершали убийства жителей украинских деревень. 3 марта 1945 года в украинской деревне Павлокома местная польская самооборона и солдаты Армии крайовой под командованием лейтенанта Юзефа Биссы расстреляли 366 украинцев, среди которых были 157 женщин и 59 детей младше 14 лет. И таких деревень были десятки», — министр иностранных дел Украины Павло Климкин. («Жечпосполита», 5 марта)

- «“Украина и Польша — это суверенные страны и между ними не может быть отношений ученика и учителя. Польша не может указывать Украине, что ей делать, кого считать героями, а кого нет. Я родился на Украине, но тогда это еще была территория Польши. К моим родителям, которые работали на поляков, относились как к быдлу и хамам”, — так первый президент Украины Леонид Кравчук в присутствии телекамер практически всех украинских телеканалов ответил на вопрос журналиста газеты “Жечпосполита” о том, как улучшить польско-украинские отношения». (Руслан Шошин, «Жечпосполита», 27 фев.)

- «В департаменте по делам иностранцев администрации Мазовецкого воеводства гражданина Украины, в частности, спросили о его отношении к Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА). (...) Чиновники решили, что мужчина не хочет негативно отзываться об этих организациях и отказали ему в праве на постоянное проживание». (Зузанна Буклаха, «Газета wyborcza», 22 фев.)

- «К войне “за историческую правду”, которая, напомним, началась отнюдь не с принятия закона об Институте национальной памяти, а с одобрения польским парламентом резолюции о геноциде на Волини полтора года назад, с энтузиазмом подключились российские интернет-пользователи. Они охотно делятся леденящими кровь историями о преступлениях ОУН-УПА, а также об “ответных акциях” Армии крайовой». (Вячеслав Новиков,

«Газета wyborcza», 24-25 фев.)

- «Министр иностранных дел Венгрии Петер Сийярто вызвал во вторник посла Украины в связи с уже вторым за этот месяц поджогом Центра венгерской диаспоры в Ужгороде. (...) Тем временем несколько дней назад выяснилось, что за первыми нападениями на венгерский центр в Ужгороде, совершенными 4 февраля, стоят поляки. Агентство внутренней безопасности задержало (...) 22-летнего Томаша С. из Кракова и 25-летнего Адриана М. из города Быдгощ. (...) Оба поляка связаны с пророссийской партией “Фаланга”. (...) С. также входит в состав редакции информационного портала “Фаланги”, главным редактором которого является Бартош Бекер, организатор пророссийских демонстраций в Варшаве. Четыре года назад он поехал в Донецк, чтобы поддерживать сепаратистов». (Михал Кокот, «Газета wyborcza», 1 марта)
- «Бывший президент Грузии Михаил Саакашвили, возглавлявший антиправительственные протесты на Украине, был в понедельник депортирован в Польшу». («Жечпосполита», 13 фев.)
- «Как показывают результаты новых опросов ЦИОМа относительно отношения поляков к представителям других национальностей, сегодня поляки используют большую неприязнь к украинцам (32%), нежели к евреям (26%)», — Малгожата Свенхович, Кароль Морчак («Ньюсуик Польска», 5-11 марта)
- «По сути, украинцы стали своего рода “евреями Третьей Речи Посполитой”. Они более уязвимы в экономическом смысле, как и евреи в межвоенной Польше. В Варшаве еще полбеда, поскольку в столице есть организации, помогающие украинцам, но в провинции царит вакуум. Там украинец предоставлен самому себе. Впрочем, в больших городах тоже бывает по-разному, разве что в метрополиях над этническим фактором, помноженным на комплекс национального величия, доминирует фактор экономический — во Вроцлаве, Гданьске, Варшаве прошли демонстрации против украинцев, которые якобы отбирают у поляков рабочие места и становятся причиной зарплатного демпинга. (...) Количество нападений на украинцев показывает, что нападают на всех, как на приезжих, так и на местных. Украинцев били за их происхождение в Люблине, но также в Гданьске и Закопане, где оседлого украинского меньшинства практически нет», — Петр Тыма, глава Союза украинцев в Польше. («Газета wyborcza», 24-25 фев.)
- «Произошло нечто ужасное: из-за нескольких фраз, включенных в закон об Институте национальной памяти, в Польше с каждым днем всё больше оживает призрак антисемитизма», — Витольд М. Орловский, ректор академии финансов и бизнеса “Vistula”. («Жечпосполита», 15 фев.)
- «Сегодня можно услышать некоторые выражения, которых не было даже в марте 68-го. Например, слово “пархатые”. В 1968 году это слово не звучало, а нынче его использует право-консервативный публицист Рафал Земкевич. Но есть и еще одна аналогия между 1968 годом и нынешними временами. И она связана не с языком, но с молчанием. Молчанием католической Церкви. Церковь промолчала в 1968 году и точно так же молчит сегодня», — проф. Михал Гловиньский. («Польска», 9-11 марта)
- «В результате антисемитской травли в 1968 г. Польшу покинули ок. 13 тыс. поляков еврейского происхождения. (...) Массовый отъезд евреев из Польши начался в 1968 году и продолжался, по оценкам историков, примерно до 1971 года. (...) Каждый вынужденный эмигрант (людей заставляли отказываться от польского гражданства) подвергался тщательному таможенному досмотру. (...) С собой нельзя было брать новые вещи, только ношенные», — вспоминает Юстина Кошарская-Шульц, сотрудница музея истории польских евреев «Полин». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 28 фев.)
- «“Тем, кто был тогда изгнан, а также семьям тех, кто погиб, я хочу сказать: простите нас. Простите Польшу, простите поляков, простите Польшу того времени, совершившую этот позорный поступок”, — сказал президент Дуда во время памятных мероприятий в Варшавском университете, посвященных 50-й годовщине событий марта 68-го. И тут же добавил: “Нынешняя свободная Польша и мое поколение не несут ответственности за случившееся и не должны за него извиняться”. “Глядя на сегодняшнюю Польшу XXI века, я испытываю досаду, понимая, что Речь Посполитая и мы все — и те, кто уехал, и те, кто умер, став жертвой травли в 68-м — понесли огромную потерю, что сегодня вас с нами нет, что вы составляете элиту интеллигенции, но в других странах”, — подчеркнул президент. “Посол Израиля в Польше Анна Азари в ходе своего выступления на Гданьском вокзале в Варшаве (с этого вокзала евреи в 1968 году уезжали в вынужденную эмиграцию) заявила: “Теперь, по прошествии последних полутора месяцев, я знаю, как легко в Польше разбудить и вызвать к жизни демонов антисемитизма — даже когда в стране практически нет евреев”». («Жечпосполита», 9 марта)
- «Институт национальной памяти в Люблине отстранил от исследовательской работы д-ра Адама Пулавского. В его защиту выступили почти 130 польских и зарубежных историков». Адам Пулавский — автор книги «Перед лицом геноцида. Польское правительство в изгнании и его представительство в Польше, Союз вооруженной борьбы и Армия крайова в контексте отправки евреев в лагеря смерти (1941-42)». Пулавский написал «о том, что помощь евреям не была приоритетом для подпольной Польши и польского правительства в изгнании. (...) Летом прошлого года директор лодзинского отделения Института национальной памяти (...) уволил (...) исследователя истории еврейского гетто в Лодзи Павла Споденкевича, а также Милену Пшибыш, занимающуюся историей католической Церкви в ПНР». (Эстера Флейгер, «Газета wyborcza», 27 фев.)
- «Когда благодаря книге “Соседи” Яна Томаша Гросса появился шанс на коллективное покаяние, когда выяснилось, что евреев убивали не два-три поляка, и что эта трагедия затронула многие города и местечки восточной Польши, когда оказалось, что в убийствах евреев принимали участие некоторые отряды польского

вооруженного подполья, это был болезненный урок истории, но польское общество было к нему готово. Президент Александр Квасневский отправился в Едвабне, и это был достойный шаг. Но когда политики поняли, что бередить эту рану невыгодно, по крайней мере, в ближайшей перспективе, то перестали это делать. (...) На долгой дистанции побеждает правда, критическое отношение к истории. Но этот процесс может занять много времени, поскольку элита, находящаяся сейчас у власти, сумела заморозить эту дискуссию», — Жорж Минк, автор книги «Польша в сердце Европы. С 1914 года до наших дней. Политическая история и конфликты памяти». («Жечпосполита», 14 фев.)

- «По мнению Кшиштофа Персака, верхний предел количества жертв “местных помощников оккупанта” может достигать 120 тыс. человек». (Михал Оконский, «Тыгодник повшехны», 9-25 фев.)
- «Представляющая поляков, спасавших евреев от Холокоста, Польская ассоциация Праведников среди народов мира обратилась со специальным призывом к правительствам и политикам Польши и Израиля. “Мы, Праведники, храня в своей памяти правду о тех временах, призываем всех быть сострадательными и рассудительными, внимательными в законотворческой деятельности, (...) честными и независимыми в своих исторических исследованиях (...). Как и у всех людей, среди нашего народа в то время тоже хватало злодеев. Они действовали от собственного имени, не от имени польского государства. Но они были поляками. Их мы тоже боялись”, — говорится в письме». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 27 фев.)
- «Соединенные Штаты опасаются, что кто-нибудь из их граждан может пострадать после вступления в силу закона об Институте национальной памяти. Американцы не понимают шуток, когда речь идет об их гражданах. (...) Ян Томаш Гросс является гражданином США. (...) В записке министерства иностранных дел от 22 января четко сказано, что в случае принятия закона об Институте национальной памяти, Госдепартамент США будет вынужден отреагировать. Об этом (...) заявил Томас Яздгерди. В ходе той встречи он также интересовался следствием в отношении Гросса». (Анджей Станкевич, «Супер экспресс», 7 марта)
- «Ни Госдепартамент, ни посольство США в Варшаве никак не отреагировали на эту новость. (...) Портал onet.pl ссылается на записку, подготовленную 20 февраля польскими дипломатами после встречи с ассистентом госсекретаря по делам Европы и Евразии Уэссом Митчеллом, специальным советником вице-президента Майка Пенса по делам Европы и России Молли Монтомгери, а также с Томасом Яздгерди, отвечающим в Госдепартаменте за вопросы Холокоста. На той встрече американцы предостерегли, что до тех пор, пока в Польше действуют законы, ограничивающие свободу слова и возможность проводить исследования относительно роли поляков в геноциде евреев, ни Дональд Трамп, ни Майк Пенс не примут президента Анджее Дуду и премьер-министра Матеуша Моравецкого. (...) Заместитель министра иностранных дел Бартош Цихоцкий пообещал, что в отношении тех, кто предал огласке содержание конфиденциальной записки о встрече с американскими дипломатами, “будут приняты соответствующие меры”». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 7 марта)
- «Дипломатические контакты с США сохраняются на прежнем уровне, о чем свидетельствует недавний визит вице-министра иностранных дел Марека Магеровского в Вашингтон, заявила вчера пресс-секретарь правительства Иоанна Копцинская. Она, впрочем, не добавила, что Магеровского отправил в США премьер-министр Моравецкий, обеспокоенный запиской от 20 февраля, пришедшей из-за океана. Ни с одним из представителей высшего звена администрации президента Дональда Трампа Магеровскому встретиться не удалось». («Факт», 7 марта)
- «Глава постоянного комитета Совета министров Яцек Сасин (...) подчеркнул, что не подтвердившаяся сенсация, которую целый день обсуждали польские СМИ — это элемент ведущейся против Польши информационной войны». (Мачей Кожушек, «Газета Польска цодзенне», 8 марта)
- «Мне доподлинно известно от владеющих информацией американцев, что ситуация даже хуже, чем в официальных заявлениях. Польское консульство и польских дипломатов игнорируют не только американские чиновники, но и старательно подражающие им дипломаты других стран, в том числе тех, которые мы считаем дружественными. (...) Премьер-министр собирался ехать в США и просил о встрече с вице-президентом Майком Пенсом. (...) Из этого ничего не вышло. (...) Польская делегация во главе с премьер-министром должна была участвовать в конгрессе AIPAC, организации, представляющей самое мощное и влиятельное израильское лобби в США. (...) Все приглашения для польских гостей были отозваны», — проф. Збигнев Левицкий, ученый-американист. («Жечпосполита», 8 марта)
- «Министры стран ЕС обсуждали во вторник состояние законности в Польше — уже в третий раз в таком составе, однако впервые в рамках процедуры, предусмотренной договором о Евросоюзе. Предметом дискуссии стало предложение Европейской комиссии возбудить в отношении Польши процедуру, предусмотренную статьей 7.1, и констатация факта, что законность в нашей стране находится под угрозой». (из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 28 фев.)
- «Европейский парламент в четверг принял резолюцию, поддерживающую предложение Европейской комиссии о возбуждении в отношении Польши процедуры, предусмотренной статьей 7.1, поскольку законность в Польше находится под угрозой. За принятие резолюции проголосовали 422 депутата Европарламента, против — 147, воздержались 48. (...) В четверг депутаты также избрали Здзислава Краснодембского (ПИС) новым вице-председателем Европарламента. Он занял место Рышарда Чарнецкого (ПИС), который лишился этого поста за

то, что назвал депутата Европарламента от “Гражданской платформы” Ружу фон Тун пособницей нацистов». (из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 2 марта)

- «Премьер-министр Матеуш Моравецкий в четверг в Брюсселе вручил председателю Европейской комиссии Жан-Клоду Юнкеру “Белую книгу правосудия”. (...) В последних главах этого документа правительство обращает внимание на вопросы защиты конституционной правосубъектности стран, входящих в ЕС, и их право принимать самостоятельные решения в рамках договоров о Евросоюзе. Польские реформы не только укладываются в эти рамки, но и полностью соблюдают европейские стандарты. Применение в этой ситуации процедуры, предусмотренной статьей 7.1, является злоупотреблением и опасным прецедентом, поскольку создает риск ее необоснованного использования в будущем также в отношении других стран ЕС». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 9 марта)
- «Отрицая достижения собственной посткоммунистической трансформации, а также критикуя европейскую модель либеральной демократии, польское правительство утратило одновременно и собственную мотивацию, и доверие со стороны партнеров по поддержке проевропейских реформ на востоке Европы. (...) Отказ от участия в проведении политики ЕС также ослабил позиции Польши по отношению к восточным соседям. (...) Варшава находится в конфликте с Европейской комиссией, а ее отношения с Германией и США сегодня наихудшие за все последние десять лет. (...) В нынешнем хаосе, воцарившемся в слишком многих сферах, действия польских властей демонстрируют синхронность с действиями и интересами России при одновременном разладе с союзниками по ЕС и НАТО», — Катажина Пелчинская-Наленч. («Жечпосполита», 1 марта)
- «Из 10 тыс. судей только восемнадцать выдвинули свои кандидатуры в орган, который теперь будет состоять не из “представителей судейского сообщества”, как того требует конституция, а исключительно из “помазанников” правящей партии. Среди этих восемнадцати человек есть судьи с дисциплинарными взысканиями, а у одного из них этих взысканий больше десятка. Есть среди них и судьи, которые годами безуспешно добивались повышения, однако их опыт и компетенция всякий раз получали негативную оценку Национального совета правосудия. Есть судьи, делегированные в министерство юстиции, то бишь подчиняющиеся министру. Есть, наконец, и те, кого впервые выдвинул министр и одновременно прокурор Збигнев Зебро». (Эва Седлецкая, «Политика», 14-20 фев.)
- «При сопротивлении оппозиции депутаты избрали 15 судей — новых членов Национального совета правосудия». «Через час после голосования в Сейме Малгожата Герсдорф сложила с себя полномочия председателя Национального совета правосудия. Ранее членов Национального совета правосудия избирало судейское сообщество». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 7 марта)
- «Убогий уровень обсуждений в Сейме и Сенате убивает демократию. (...) Все решения принимаются наверху, мнение депутатов не имеет никакого значения. (...) Политбюро решило, все послушно подняли руки. Само поведение депутатов от ПИС — это просто позор. Ими дирижирует руководящая группа, а они ведут себя как стадо», — проф. Анджей Золль, судья, бывший председатель Конституционного трибунала и уполномоченный по правам человека. («Газета wyborcza», 24-25 фев.)
- «Проф. Адам Стшембош, бывший первый председатель Верховного суда, а также проф. Анджей Золль, бывший председатель Конституционного трибунала (...) в среду взяли слово на правах одних из последних живущих представителей “Солидарности”, занимавшихся реформами судебной системы в ходе совещаний за Круглым столом. (...) “Избрание Сеймом 15 судей в Национальный совет правосудия грубо нарушает нормы основного закона. Формирование нового состава Национального совета правосудия противоречит порядку, закрепленному в конституции”, — написали Стшембош и Золль. И добавили: “Нынешний Национальный совет правосудия не располагает полномочиями, предусмотренными конституцией Речи Посполитой, поэтому все его резолюции по природе своей недействительны”». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 8 марта)
- «Заместитель министра юстиции Лукаш Плебяк окончательно исключен из ассоциации судей “Iustitia”. Так решило собрание делегатов». («Жечпосполита», 12 фев.)
- «Вице-председатель Конституционного трибунала не имеет права выносить решений относительно полномочий спецслужб, поскольку был офицером разведки — с таким заявлением обратился уполномоченный по правам человека». («Газета wyborcza», 17-18 фев.)
- «Все только начинается. Этот год будет решающим. Уже нет ни Конституционного трибунала, ни Верховного суда, ни Национального совета правосудия. Сейчас идет кардинальная реформа системы правосудия, заключающаяся в ликвидации судебной вертикали. Не будет деления на районные, окружные и апелляционные суды, будут только суды первой и второй инстанции. Говорят, что вот тут и произойдет та самая переаттестация судей. Когда дело дойдет до новой административной классификации, всем судьям придется заново пройти процедуру назначения. Некоторым из них это не удастся», — Игорь Тулея, судья окружного суда в Варшаве. («Газета wyborcza», 17-18 фев.)
- «Их называют “хунвейбинами Зебро” или “орденом”. Невозможно понять, что происходит в сегодняшней прокуратуре, ничего не зная об ассоциации «Ad Vocem», — говорит один из прокуроров. (...) В эту таинственную организацию входит вся верхушка нынешней прокуратуры. (...) Членами организации являются влиятельнейшие директора Национальной прокуратуры (...). В общей сложности около 20-30 человек. (...) Руководство Национальной прокуратуры, состоящее в “Ad Vocem”, получает зарплату, вдвое превышающую

жалование президента Польши и почти в два раза — зарплату премьера. Национальный прокурор Богдан Свенчковский получает (данные за ноябрь 2016 г.) 26 175 злотых “брутто”. Его заместителям платят всего на одну тысячу злотых меньше. (...) Еще больше, чем Свенчковский — 29 150 злотых — получает Марек Пасёнек, начальник группы по расследованию смоленской катастрофы (у него самый долгий стаж работы). (...) Дотации на жилье составляют свыше 3 тыс. злотых ежемесячного, необлагаемого налогами дохода. (...) Во втором полугодии 2017 г. (...) на вознаграждения истрачено около 230 тыс. злотых. (...) Самая высокая зарплата составила 15 тыс. злотых». (Эва Иванова, «Газета wyborcza», 3-4 марта)

• «Трое прокуроров, которые вели следствие по делу о ДТП с участием бывшего премьер-министра Беаты Шидло, за два дня до окончания следствия отказались признавать вину Себастьяна К., водителя “Фиата Сейченко”, как того требовал глава прокуратуры Рафал Бабинский. (...) Прокуроры не соглашались взвалить всю вину за происшествие на водителя “Фиата Сейченко”». («Жечпосполита», 5 марта)

• «В свежем рейтинге “World Justice Project” Польша оказалась на 25 месте из 113 стран, опустившись по сравнению с предыдущим рейтингом на три позиции. В рейтинге фигурирует 21 страна ЕС, и в этой классификации Польша находится на 14 месте. (...) Рейтинг был составлен осенью 2016 года, так что он не учитывает ни принятых в 2017 году законов о судопроизводстве, ни изменений в системе правосудия, введенных ПИС». (из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 16 фев.)

• «Amnesty International» представила свой отчет за 2017 год. «В документе, озаглавленном “Ситуация с правами человека в мире”, идет речь о 150 странах, в том числе о Польше. (...) Сотни поляков задержаны и обвинены в участии в мирных демонстрациях. Женщинам систематически затрудняется доступ к безопасным средствам контрацепции и легальному прерыванию беременности. В июле Европейская комиссия постановила, что “независимость Конституционного трибунала в значительной степени нарушена, в связи с чем нельзя гарантировать соответствие польского законодательства действующей конституции”, говорится в отчете». (Мария Кручовская, «Газета wyborcza», 24-25 фев.)

• «В шесть утра полицейские задержали Владислава Фрасынюка, активиста оппозиции времен ПНР, надели на него наручники и отвезли в прокуратуру в Олеснице. Там следователь из окружной прокуратуры в Варшаве предъявил ему обвинение в нарушении физической неприкосновенности двух полицейских, находившихся при исполнении обязанностей. После допроса, продолжавшегося десять минут, Фрасынюка освободили. Задержанный воспользовался правом на отказ от дачи показаний. Он также отказался подписывать постановление о предъявлении обвинения и протокол допроса. (...) “Я сказал, что никого не бил, что отказываюсь давать показания и что не буду ничего подписывать. Вспомнил себя много лет назад, когда мне приходилось поступать точно так же”, — рассказал Фрасынюк в эфире “TVN24”». (Михал Коланко, Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 15 фев.)

• «Я не против того, чтобы ПИС управляла Польшей. Программа 500+ замечательная, хотя ее стоило бы скорректировать. За партию Качинского люди проголосовали на демократических выборах не для того, чтобы она нарушала конституцию, а для того, что она управляла страной. ПИС не получал мандата на уничтожение правового государства. И против этого я буду протестовать. (...) С удовольствием бы побеседовал с Ярославом Качинским с глазу на глаз о том, что можно сделать для объединения поляков, постарался бы убедить его, что это наша страна, и избиратель ПИС ничем не лучше того, кто за ПИС не голосует. (...) Мне не хватает в поляках гражданского мужества. Не хватает стремления к диалогу, образованности и уважения к другому человеку. Это фундаменты для строительства благополучного и безопасного общества», — Владислав Фрасынюк. («Жечпосполита», 19 фев.)

• «Несколько десятков человек собрались в субботу перед зданием прокуратуры (...), чтобы вместе с Варшавским революционным хором спеть польский гимн, текст которого переработал поэт Ясь Капелья. Собравшиеся таким образом выразили свой протест в отношении судебного решения, приговорившего поэта к штрафу в размере тысячи злотых с покрытием судебных издержек за использование в гимне слов: “Марш, марш, мигранты, / в Польшу за провиантом...”. (...) На месте присутствовали сотрудники полиции. (...) Они записывали акцию на видео, поэтому не исключено, что люди, принимавшие участие в хэппенинге, также понесут наказание за публичное исполнение запрещенной версии национального гимна». (Патриция Вечоркевич, «Газета wyborcza», 26 фев.)

• «От нашего внимания ускользают истории менее эффектные, но в действительности не менее опасные, с далеко идущими последствиями. (...) Во-первых, это задержание Владислава Фрасынюка, которого полицейские доставили в прокуратуру. Во-вторых, это приговор Ясю Капелье, публицисту и поэту, за спетую им с тремя другими лицами новую версию польского гимна с альтернативным текстом. (...) Ясь Капелья поет на мотив “Мазурки” Домбровского (политэмигранта своего времени): “Еще Польша не пропала, / и в краю родимом, / перевидевшем немало, / беженцев мы примем. / Марш, марш, мигранты, / в Польшу за провиантом. / Кто б ты ни был родом, / с нашим будь народом”. Эту интерпретацию суд оценил в тысячу злотых штрафа (...). При этом прокуратура полностью проигнорировала информацию об угрозах (в том числе угрозах убийством), которые после презентации не-гимна получал Ясь Капелья». (Роман Куркевич, «Пшеглэнд», 19-25 фев.)

• «Решение министра охраны окружающей среды Яна Шишко о вырубке Беловежской пуши противоречит законодательству Евросоюза, заявил генеральный пресс-секретарь Европейского суда. Вердикт, скорее всего,

будет вынесен в апреле». («Жечпосполита», 21 фев.)

- «Польша нарушила законодательство ЕС в области контроля за качеством воздуха, решил в четверг Европейский суд». «Польша не соблюдает нормы относительно качества воздуха, злостно превышая допустимую концентрацию вредной пыли PM10, не борется со смогом — такие аргументы привел трибунал, объявляя свой вердикт по делящемуся вот уже два года спору между Европейской комиссией и Польшей». (Доминика Вантух, «Газета wyborcza», 23 фев.)

- «Поляки даже не представляют, какое огромное разочарование вызывает Польша у Брюсселя. (...) Казалось, что Варшава станет одним из лидеров Евросоюза. Ее приглашали к обсуждению важнейших решений, с ней считались. Вся совместная политика в отношении Восточной Европы и постсоветского пространства в действительности разрабатывалась Польшей. А теперь возникает ощущение, что все это было какой-то игрой. И что, возможно, истинное лицо Польши — это ПИС. Поэтому Брюссель подозревает, что Польша — это все-таки не та страна, которая разделяет европейские ценности. А как еще сотрудничать с тем, кто подписал и одобрил договоры и трактаты, а теперь заявляет, что не собирается их соблюдать? Поэтому и идут разговоры о Евросоюзе двух скоростей, где Запад создаст настоящую Европу “для своих”, а на обочине останутся чужаки, с которыми никто не будет считаться. (...) Огромное значение будут иметь следующие выборы. (...) Если Польша снова сделает тот же выбор, придется признать, что Польша вовсе не такая, какой казалась раньше, когда ее принимали в ЕС. И тогда Запад спросит — а есть ли в европейском сообществе место для Польши?», — Энн Эпплбаум. («Газета wyborcza», 3-4 марта)

- «По последним данным ЦИОМа, 40% поляков поддерживают правительство Матеуша Моравецкого. (...) Противниками нынешнего правительства считают себя 17% поляков (...), нейтралитет демонстрирует каждый третий из нас (34%)». («Газета wyborcza», 20 фев.)

- «Я публично хвалил этот документ (“План Моравецкого”), подчеркивал (...), что это правильная экономическая концепция. (...) Но она не работает. (...) Ничего не изменилось. (...) Вывод: программу премьер-министра Моравецкого невозможно реализовать. (...) Я утверждаю, что среднесрочные структурные цели этой программы недостижимы либо достижимы в очень малой степени. А для меня это означает, что мы не сможем противостоять долгосрочным вызовам. Не сможем использовать наши шансы и избежать опасностей. Только и всего, но этого хватит. А будет еще труднее, поскольку, кроме прочего, ожидается ускорение темпов инфляции», — проф. Ежи Хауснер. («Польска», 26 фев.)

- «За 29 лет в смысле оснащения в армии изменилось немного. 80% оборудования у нас постсоветское, да только это уже практически музейные экспонаты. Некоторые пытаются их реанимировать, но на поле боя они бы провалили экзамен. F-16 — это уже просто как на корове седло, то же самое касается бронетранспортера “Росомаха” и гаубицы “Краб”. (...) Реформа армии привела к деградации войск быстрого реагирования, реформа командного состава потерпела неудачу, никакой модернизации армии нет и в помине, обучение и военная промышленность приходят в упадок. Мы даже боеприпасов не производим. Чем мы будем сражаться, в случае чего? За эти годы у меня сложилось ощущение, что политики сговорились, чтобы у войск быстрого реагирования было доисторическое оснащение, потому что тогда Польша окажется слабой и не будет готовой к войне», — генерал Тадеуш Скушпчак. («Жечпосполита», 17-18 фев.)

- «Численность личного состава армии является военной тайной, и информация о ней не разглашается. Но о масштабе проблемы ярче всего свидетельствует тот факт, что всё больше подразделений обращаются к генеральному командованию с просьбой снизить уровень боевой готовности в связи с уменьшением личного состава более чем на 50%. Такого коллапса в армии уже давно не было. С вооружением ситуация тоже обстоит не лучше, хотя вот уже второй год подряд армия полностью тратит весь свой бюджет. “Парадокс, однако, заключается в том, что при этом не была реализована ни одна из четырех приоритетных задач, связанных с модернизацией, запланированных на тот год”, — говорит Томаш Дмитрук (...), который годами следит за реализацией бюджета министерства обороны». (Юлиуш Цвельох, «Польска», 31 янв. — 6 фев.)

- «Написана целая книга о подозрительных контактах Мацеревича с россиянами. И этот человек существует в польском политическом пространстве уже много лет. Правительство никогда не интересовалось этой темой. А Мацеревич работает до сих пор — правда, его уже нет в правительстве, однако он остался в руководстве правящей партии. Вмешательство в выборы не обязательно должно происходить во время самих выборов. Практически в каждой европейской стране Россия занимается поддержкой политиков-экстремистов и экстремистской идеологии. Россияне делают это в Германии, во Франции. (...) Если они делают это повсюду, почему же это невозможно у нас, в Польше? Только потому, что это “территория без российского вмешательства”?»», — Энн Эпплбаум. («Жечпосполита», 7 марта)

- «За те неполные два года, когда оборонным ведомством руководил Антоний Мацеревич, министерство обороны потратило более 15 млн злотых на покрытие расходов с 800 служебных банковских карт служащих польской армии. В этом призналось министерство обороны под давлением политического скандала, вызванного публикацией в газете “Супер экспресс”. (...) “Эта сумма внушает большую тревогу. Мы готовим письмо в Национальную контрольную палату с просьбой провести проверку этих расходов”, — говорит депутат Мисило (партия “Современная”)), — Изабелла Кацпшак, Гражина Завадка. («Жечпосполита», 5 марта)

- «Индекс потребительского оптимизма поляков за период с 2006 года достиг наивысшей отметки в 104 балла.

- (...) 52% поляков полагают, что потребление будет расти — и это лучший результат в Европе. Это видно хотя бы по уровню продажи автомобилей, рост которого в этом году оказался самым интенсивным в Европе». («Жечпосполита», 16 фев.)
- «Нынешний сезон первых причастий будет первым, когда матери не станут отправлять своих дочерей в солярий, чтобы загар контрастировал с белым платьем. В период, предшествующий первым причастиям, владельцы соляриев могут столкнуться с усиленным контролем со стороны Государственной санитарной инспекции, которая за нарушение запрета предоставлять услуги солярия лицам, не достигшим 18 лет, будет иметь право наложить штраф в размере от тысячи до 50 тыс. злотых». (Каролина Ковальская, «Жечпосполита», 16 фев.)
 - «С нового года преподаватель Закона Божия сможет одновременно быть классным руководителем». «Решение по этому вопросу принимает директор. Ранее преподаватель основ религии не мог вести воспитательную работу с классом даже на правах заместителя. (...) Благодаря этим изменениям преподаватели основ религии смогут зарабатывать в месяц на несколько сотен злотых больше». (Артур Радван, Клара Клиндер, «Дзенник газета правна», 26 фев.)
 - «Наделение преподавателей религии правом на классное руководство означает, что они смогут распространять свое влияние на всех учеников независимо от вероисповедания последних. Это также означает доступ преподавателей религии к документации всех учеников школы. Означает возможность оказания мировоззренческого давления на детей некаатолического вероисповедания. Наконец, означает передачу воспитательного процесса под контроль епископов», — Павел Борецкий, д-р наук, специалист по законодательству в области вероисповедания, Варшавский университет. («Пшеглэнд», 5-11 марта)
 - «Во Всемирный день мигранта и беженца священники зачитывали письмо о святом Станиславе Костке, не обмолвившись ни словом о ситуации, расколовшей польское общество. Такая попытка спрятать голову в песок — это не дипломатия, а отказ от евангельских ценностей», — Богдан Бялек, главный редактор журнала «Характеры». («Жечпосполита», 12 фев.)
 - «В рядах епископата сегодня нет харизматичного епископа, который смог бы повести за собой польскую католическую Церковь. Такого, кому хватило бы мужества сопротивляться “рядовому” монаху из Торуни. Похоже, что отец Тадеуш Рыдзык — не провинциал, не профессор, зато ловкий бизнесмен и умелый монах-пиарщик, не подчиняющийся власти епископов — обладает в польской католической Церкви влиянием и властью большими, чем примас и председатель епископата вместе взятые». (Мария Мазурек, «Польска», 16-18 фев.)
 - Большой оркестр праздничной помощи Ежи Овсяка снова побил рекорд. «Собрано 126 млн 373 тыс. 804 злотых и 34 гроша. Это на 21 млн больше, чем в прошлом году. (...) В этом году средства собирались на то, чтобы уравнивать шансы на излечение новорожденных, находящихся в неонатологических отделениях. (...) Вот уже во второй раз финал был организован главным образом благодаря “TVN”. “Национальное телевидение от сотрудничества отказалось”, — говорит Овсяк. (...) В этом году финал посмотрели 13 млн человек. (...) Овсяк также прокомментировал подготовленную правительством новую редакцию закона о сборе пожертвований, в соответствии с которой министр внутренних дел и администрации может запретить сбор, если решит, что тот “противоречит основам общественного сосуществования” либо “нарушает важные общественные интересы”. (...) “Грубо говоря, гоп-стоп, — комментирует Овсяк. — Если кто-то собирает пожертвования с нарушениями, надо обращаться в полицию, казначейство, прокуратуру, а не придумывать расплывчатые законы, дающие огромную возможность для самых причудливых интерпретаций”. (...) Против этого закона выступают неправительственные организации». (Павел Косминский, «Газета wyborcza», 9 марта)
 - «Среди польских кабанов свирепствует вирус африканской чумы свиней. Ответственность за эту ситуацию несут в первую очередь чиновники министерства сельского хозяйства и ветеринарной инспекции, а также безалаберные аграрии. Однако страдать в результате будут не они, а живущие в Польше кабаны. Планируется массовый отстрел кабанов, в том числе беременных свиноматок. (...) Почти все очаги африканской чумы свиней появились в результате серьезных ошибок людей, занимающихся разведением свиней, и игнорирования различных процедур. (...) Сначала — непрофессионализм и несоблюдение закона, а теперь массовая резня умных, высокоорганизованных диких млекопитающих (...) с целью отвлечь внимание общества от собственных ошибок. (...) Даже некоторым охотникам не по себе, когда им предлагают 650 злотых за убийство беременной свиноматки», — проф. Анджей Элжановский («Жечпосполита», 27 фев.)
 - «Среди предлагаемых изменений в законе об охране животных есть проект новой редакции статьи 34, абзац 1. (...) Он содержит положение, позволяющее пренебречь запретом убивать животное без его предварительного оглушения. (...) Исключения, позволяющие убивать животное без его предварительного оглушения, касаются убоя животного в рамках религиозного обряда. (...) Убой, в ходе которого находящемуся в сознании животному перерезается горло, после чего оно истекает кровью, пока не умрет, является в высшей степени варварским и причиняет животному невообразимые муки. (...) Время между перерезанием кровеносных сосудов и потерей сознания составляет до 20 секунд у овец, до 25 секунд у свиней, до 2 минут у телят, до 21-22 минут либо больше у домашних птиц и 15 и более минут у рыб», — Войцех Хермелинский, судья Конституционного трибунала в отставке, председатель Государственной избирательной комиссии. («Жечпосполита», 27 фев.)

- «В среду 23 января на ферму в Буково приехали работники скотобойни — фермер Лукаш П. решил продать четырех своих коров на убой. “Три коровы прошли спокойно, — вспоминает фермер. — Затем вывели последнюю. Как только она вышла из коровника, то сразу вырвалась и убежала, снеся ограду — только стальные столбики летали в воздухе. Никто не смог ее догнать. (...) Она была родом с гор. Там она все время свободно ходила по лугам. У меня она всегда ходила на привязи. Ну, а теперь только ее и видели”. В четверг 15 февраля о рыжей корове с гор, которая вырвалась из рук мясников, убежала и теперь бродит где-то на широких берегах Ныского озера, рассказывали все польские и зарубежные СМИ. Целый месяц корова успешно скрывалась и убегала от преследователей. В конце концов ее поймали. Во время перевозки у животного случился разрыв сердца». (по материалам анонимного репортажа, «Польска», 26 фев.)